

A woman with blonde hair styled in an updo, wearing a red, strapless, floral-patterned dress, is seated in profile, looking out a large window. The window view shows a coastal town built on a hillside, illuminated at dusk, with a body of water in the foreground. The sky is a mix of blue and orange. The woman's hands are resting on a stack of papers on a table in front of her. To the left, there is a vase of red roses. The overall atmosphere is romantic and serene.

Крисия Ковальски

Весна для Ирэны

18+

Крисия Ковальски

Весна для Ирэны

<https://litres.ru/74042919>

SelfPub; 2026

Аннотация

В жизни ослепительной красавицы Ирэны — обеспеченный быт, отдых в лучшем отеле Французской Ривьеры, гламурные наряды и престижная должность в крупной компании, богатый, щедрый и влиятельный любовник. Но что же не так? Почему в тишине ночи молодая женщина плачет у окна? Или всё, что есть — не её, а счастье настоящее где-то в другом месте и с другими людьми? Может быть, однажды после долгой-долгой зимы, ей предстоит встретить свою весну, которую принесёт тёплый ветер надежды

Крисия Ковальски

Весна для Ирэны

Примечание автора

Эта история является продолжением серии «Дорога к рассвету» и романа «Неженка и Ветер», но может читаться как совершенно самостоятельное произведение вне серии.

Посвящается всем вам, «кто любовь теряя, боялся жить», никогда, ни при каких обстоятельствах не теряйте надежду, веру и любовь!

Глава первая. Крылья раненой птицы

Сердце женщины — как небо осени.

японская пословица

Если низменной похоти станешь рабом —

Будешь в старости пуст, как покинутый дом.

Оглянись на себя и подумай о том,

Кто ты есть, где ты есть — и куда же потом?

Омар Хайям

Звонок в дверь раздавался неожиданно. Впрочем, он всегда раздавался неожиданно. За четыре с половиной года Ирэна так и не смогла привыкнуть к поздним, почти ночным визитам Ильи Евсеева. Молодая женщина откинула одеяло, с неохотой поднялась с постели и направилась в прихожую открывать дверь. Босиком она проходит по гладкому тёплому

полу, бесшумно наступает на мягкий ворс белоснежного паласа. Ирэне не требовалось спрашивать, кто поздний гость. В подъезд элитного дома, в котором Евсеев купил квартиру для своей юной любовницы, постороннему человеку просто так не попасть. У Евсеева была магнитная карта от двери подъезда, кроме того охранник при въезде на парковку знает всех жильцов и их гостей в лицо и тоже постороннему человеку ворота во дворе не откроет, если только по заранее оговорённой рекомендации хозяев квартир. Ирэна не понимала, почему Илья не может открыть дверь сам, ведь у него есть ключи, но, очевидно, таким образом, он проявляет тактичность. И да, он знает, что в его отсутствие Ирэна без его ведома никого принять не может. Она здесь как в тюрьме, элитной, комфортабельной, но всё-таки тюрьме.

Когда дверь перед Евсеевым открылась, он, не разуваясь, прошёл в комнату, бросая на ходу небрежно:

— Налей мне полстакана бренди и сними с себя тряпки.

Ирэна едва сдержала вздох разочарования. Он опять пришёл к ней выпивший и не в духе. В последние полгода это уже стало традицией — приходить сюда в плохом настроении. «Что на этот раз?» — задала себе вопрос молодая женщина, но, впрочем, ей было всё равно — поссорился ли Евсеев в очередной раз с женой, сорвалась выгодная сделка или партнёры нарушили условия контракта. Просто её любовник и покровитель нашёл такой необременительный для него способ снимать стресс. Он приходит к девушке, выме-

щает на ней свою злобу и плохое настроение, а потом утром уже спокойный и протрезвевший возвращается домой к жене и сыну. А Ирэна служит громоотводом, впрочем, она уже привыкла. Молодая женщина послушно следует за мужчиной, подходит к минибару, достаёт пузатую тёмную бутылку ирландского бренди и наливает в стакан пахнувший крепким алкоголем напиток. Евсеев протягивает руку и резко берёт стакан из рук Ирэны. И пока он пьёт, девушка снимает с себя ажурный халат из тонкого шёлка цвета нежного персика. Мутные от выпитого алкоголя глаза оживают, но больше ничем Илья не выдаёт своего нарастающего возбуждения. Он продолжает стоять с почти пустым стаканом в руках, заставляя девушку ожидать его реакции. Ирэна терпеливо ждёт и поднимает глаза от пола только тогда, когда слышит его очередное требование:

— На четвереньки встань и ко мне подползи.

Илья резкими нетерпеливыми движениями расстёгивает ремень, скидывает брюки и забирается на низкий диван, покрытый мягчайшим кашемировым одеялом, встаёт на колени, широко раздвигает ноги, демонстрируя свой твёрдый с набухшими венами член. Ирэне не нужно давать очередных приказаний. Она опускается на четвереньки, подползает к дивану и, всё так же опираясь на локти и колени, поднимает голову и захватывает ртом головку члена.

— Давай, милая, постарайся для меня, — одобрительно произносит мужчина.

Ирэна быстро заглатывает большой член почти на половину и начинает энергично сосать. Раньше, ещё когда она была к этому непривычная, то чувствовала возбуждение от своего унижения, от этой рабской позы в ногах своего господина. Но теперь делала всё механически, желая одного — чтобы побыстрее настало утро, её ночной визитер уехал, а она снова будет на весь день предоставлена самой себе. А если повезёт, то и на несколько дней.

— Глубже заглатывай, — требует грубый голос, и девушка чуть приподнимается на локтях и, задержав дыхание, вбирает в себя член во всю длину. Мужчина не сдерживается, хватая медно-рыжие мягкие пряди и с силой тянет назад, заставляя девушку поднять голову. И как только она это делает, он совершает несколько быстрых грубых фрикций, проникая глубоко в узкое девичье горло. Ирэна покорно терпит, только слёзы непроизвольно бегут с глаз. А когда он отпускает её, она жадно хватается ртом воздух.

Евсеев снимает с себя галстук и рубашку, небрежно бросает рядом и падает на спину, широко раскинув руки.

— Иди сюда, — снова приказывает он. Ирэна поднимается с пола и забирается на диван, раздвигает колени и медленно насаживается на всё ещё твёрдый направленный вверх член. Делает это медленно, постепенно привыкая быть растянутой внутри. Евсеев не мешает, не торопится, поднимает руки и ладонями мнёт тяжёлую пышную грудь, перебирая крупные тёмно-коричневые соски между пальцами, застав-

ляя их твердеть и наливаясь, а потом до боли пощипывает, грубо мнёт. Ирэна произвольно стонет. Илья, довольный, что добился хоть какой-то реакции, начинает двигать бёдрами, ускоряя и углубляя проникновения. Ирэна застонала громче, уже и она начинала чувствовать нарастающее возбуждение.

— Нравится принадлежать мне, сучка? Скажи, нравится?

— с усмешкой требует он.

— Да... — гортанно хриплым голосом отвечает Ирэна и закрывает глаза.

Сильные руки грубо сжали нежные бёдра, направляя движения её тела вверх и резко вниз. Дыхание у обоих стало шумным, тяжёлым и прерывистым. Ирэна, разгорячённая быстрой скачкой на большом больно растягивающем её члене, упала на грудь мужчине, чтобы отдышаться. И сразу же почувствовала, как её шею туго обхватывает галстук, больно сжимая горло. Мужчина легко сбросил девушку со своего тела и, опрокинув на спину, широко развёл её ноги, согнул в коленях и заставил упираться ступнями о его плечи. Всё так же сдавливая галстук, словно удавку, на тонкой шее, он медленно и глубоко проник в уже мокрое лоно девушки. Ирэна, жадно пытаясь вдохнуть воздух, сморщилась от боли. Он знал, насколько узкая и тугая она внутри, а ещё то, что влагалище её небольшое, поэтому головка члена болезненно упирается в матку и грубо долбит её. Ирэна, с высоко запрокинутыми и широко разведёнными ногами, уже не могла

чувствовать возбуждения, а только боль от очень быстрых, грубо долбящих её внутренности ударов члена. Но она и не надеялась на то, что это быстро кончится. Евсеев, будучи в состоянии алкогольного опьянения, мог очень долго не кончать. Точнее, долго не мог кончить. Он отстранился от девушки, отпустил туго скрученный на её шее галстук и, резко выдернув его, схватил запястья девушки. Она снова издала тихий стон. И на этот раз она знала, что последует. Ему нравится скручивать её в неудобной позе, приносящей ей боль. Но Ирэна послушно заводит за спину руки, поджимает колени к животу, опирается на них и наклоняется, позволяя привязать её запястья к её же тонким щиколоткам. Одно запястье очень крепко перевязано ремнём, а другое галстуком. И ткань, и кожа больно впиваются в тело, оставляя красные полосы. Так она лежит, лицом вниз, выпятив вверх ягодицы, и тоже уже знает, что за этим последует. Сегодня для неё — одна только боль, и ничего кроме боли. Она максимально возможно расслабляется, чтобы позволили толстому и длинному члену беспрепятственно пройти в её внутренности. Ирэна чувствует, как твёрдая головка больно раздвигает анус и проникает в неё сразу на всю длину, не давая привыкнуть, растянуться и приспособиться для его размера. Ирэна, обхватив зубами мягкое ворсистое покрывало, болезненно стонет и морщится. Это очень неприятно и очень больно. Но так она хотя бы не видит его грузное массивное тело, покрытое густой порослью чёрных волос, с дряблым обвисшим

животом, вызывающим отвращение. Ирэна, пряча мокрое от слёз раскрасневшееся лицо в одеяло, отстранённо думает, что раньше она просто испытывала неприязнь, но хотя бы не боль. А в последнее время стала, не давая на это согласие, просто сексуальной рабыней для жёстких игр. Но и так Евсеев не может кончить. Через какое-то время он отпускает девушку, развязывает её затёкшие руки и уходит в душ. Ирэна неподвижно лежит и смотрит в потолок. Ей не разрешали вставать. Вскоре Илья возвращается, наливает в стакан бренди, садится в кресло напротив и пьёт. Он не отводит взгляда с лежащей обнажённой девушки, разметавшиеся волосы которой отливают красной медью на светлом покрывале. Он встаёт и снова направляется к постели, ставит девушку на колени, крепко обхватывает широкой ладонью её горло и пристраивается сзади, всё быстрее и быстрее наращивая темп проникновений, резко переходя на свирепую жадную долбёжку. Он удерживает девушку за горло, не давая ей упасть.

— Пожалуйста... Илья! Хватит! Я устала... — осмеливается взмолиться девушка приглушённым жалобным криком.

— Это мне решать, когда хватит, — грубо отзывается мужчина, — А ты будешь мне принадлежать, сколько я захочу.

— Не могу больше... — всхлипывает Ирэна и обмякает в его руках. Она как тряпичная кукла только раскачивается взад и вперёд в его руках, опустив низко голову с растрёпан-

ными спутанными волосами. И чувствует, как горят огнём натёртые до боли внутренности, в глазах темнеет, становится дурно. Но наконец Илья всё-таки кончает. Горячая сперма вытекает из её лона и обильным потоком льётся по ногам девушки. Евсеев резким движением отбрасывает свою любовницу, тяжело поднимает своё грузное тело и снова идёт в ванную. Ирэна облегчённо вздыхает, но почему-то на этот раз не может сдержать слёз. Они всё катятся и катятся по её лицу. Когда мужчина выходит из ванной в белом махровом халате, Ирэна прячет лицо в одеяло, боясь, что он увидит её слёзы. Этого Евсеев не выносит. Но мужчина проходит мимо неё, снова наливает в стакан бренди, выпивает и направляется в спальню, откуда в скором времени раздаётся громкий храп.

Ирэна бесшумной тенью проникает в ванную, стоит под душем, всё так же плачет, а потом вытирается полотенцем, снова надевает тонкий кружевной халат, но мёрзнет в нём, сдёргивает его с себя, закутывается в махровый халат и забирается на диван под кашемировое одеяло, измятое и испачканное в сперме. Чувствует, что противно накрываться им, но продолжает лежать так до утра.

А как только темноту за окном, занавешенную тонкими шторами из итальянского шёлка, сменяют сизые сумерки, Ирэна наконец засыпает. А когда просыпается ближе к полудню, но с огромным облегчением обнаруживает, что в квартире она снова одна. И только едва уловимый запах мужско-

го парфюма напоминает ей о том, что Евсеев совсем недавно был здесь. И ещё боль, боль во всём теле, измятое одеяло с высохшими на нём липкими белыми пятнами и жуткое чувство опустошённости там, где должна быть душа.

*«Не желаю в клетке жить
И вино по капле пить...»*

Из песни Юлии Михальчик «Одна свеча»

Этот бар не был дорогим и не пользовался приличной репутацией, но находился всё-таки вполне в приличном месте — на набережной среди вереницы бутиков, ночных клубов и ресторанов. Ирэна зашла сюда именно по этой причине — чтобы не встретить знакомых. Даже платье выбрала чёрное, простого покроя, закрывающим спину и плечи, а также колени. На платье накинула лёгкий светло-серый плащ, минимум макияжа, роскошные медно-рыжие кудри собраны на затылке и спрятаны в пучок.

Она не стала выбирать столик, чтобы не привлекать внимание тех, кто ищет себе спутницу на этот вечер. Заняв высокий стул напротив стойки бара, она заказала мохито со льдом и неторопливо отпила одну треть из высокого стакана. В баре, полупустом, с затемнённым освещением, играла тихая ненавязчивая музыка, но через полчаса посетителей стало больше. Свободные столики занимались, музыка ста-

новилась всё громче и веселее. А бармен, скупающий возле стойки ещё полчаса назад, уже быстро принимал заказы и смешивал коктейли, ловко справляясь с блендером.

«Пора уходить», — решила молодая женщина, но как только она подумала об этом, к ней подсел солидного вида мужчина лет тридцати, довольно симпатичный, черноволосый, с поблескивающим циферблатом дорогих часов на широком запястье.

— Скупаешь, красавица? — довольно бесцеремонно поинтересовался он и сразу же придвинулся ближе. Ирэна отодвинулась, быстро допила остатки коктейля, с глухим стуком поставила стакан на барную стойку и, смотря в чёрные глаза незнакомца, ответила чётко и однозначно:

— Нет.

Но её ответ, несмотря на всю убедительность, не смутил мужчину. Он только усмехнулся и всё тем же бесцеремонным тоном продолжил:

— Пять штук за час устроит? Если окажешься хороша, сниму на всю ночь.

Ирэна, уже готовая возмутиться, поднялась с высокого стула и отдёргнула подол платья, закрывая красивые покатые коленки, всё-таки сдержалась и произнесла почти спокойно:

— Ваше предложение мне неинтересно. Прощайте.

Настроение испортилось окончательно, Ирэна хотела уже было развернуться и уйти, но мужчина стремительно перехватил её руку и с силой удержал за предплечье.

— Не советую мне дерзить, крошка.

Его глаза зло блеснули, а пальцы, удерживающие руку девушки, сжались крепче, причиняя боль. И в это время к ним стремительно приблизился какой-то светловолосый парень в старенькой джинсовой куртке, потёртых брюках и пыльных кроссовках, с жизнерадостным криком:

— А вот и я, сестрёнка! Пошли быстрее, там на улице отец заждался, уже сюда идти хотел! Если не поторопишься, будешь сама его ворчание слушать! — парень резко перехватил руку девушки, заставив мужчину разжать пальцы, и так же стремительно увлёк её к выходу, проталкиваясь сквозь тесно стоящие столики.

А уже на улице отпустил, улыбнулся приветливо, блеснув белоснежными зубами, и представился:

— Алексей. Можно просто Лёха. И да, если не хочешь поддерживать знакомство, можешь уйти.

Ирэна улыбнулась и от души поблагодарила:

— Спасибо, Лёха. Алексей...

— Да ладно! — опять приветливо улыбнулся парень, — Я же видел, что он от тебя просто так не отстал бы.

— Я уже собиралась уходить, когда он подошёл... — с досадой произнесла Ирэна. А она ведь совсем не вызывающе одета! Ни яркого макияжа, ни вызывающей одежды, но, видно, сама её внешность привлекает внимание мужчин и без всяких соблазнительных нарядов и флирта.

— Если хочешь, можем немного прогуляться, а потом я

тебя провожу, — предложил парень, — Не бойся, приставать как он, к тебе не буду.

— Ну... хорошо, — с некоторым сомнением согласилась девушка и нехотя представилась, — Меня Ирэной зовут.

— Ух ты... — восхищённо присвистнул парень, — Красивое имя.

— Польское, — с привычным равнодушием ответила девушка. Ответная реакция на её имя была такой предсказуемой и у всех одинаковой. Ирэна зашагала вдоль тротуара, постукивая каблучками. Алексей последовал за ней.

Так они прошли до гранитного парапета, холод с реки и сырость усилились, увеличивая и без того ощущение бесприютности в душе Ирэны. Они сели на скамейку под высоким тополем, некоторое время молча смотрели на тёмную гладь реки.

— Я эту реку рисую уже несколько месяцев, — произнёс Лёха и на вопросительный взгляд Ирэны, пояснил, — Учусь в художке. А сейчас пишу дипломную работу. Закат на реке. И всегда прихожу сюда в одно и то же время. Но на сегодня я уже закончил, зашёл в бар выпить пива и вот, встретил тебя.

— Ты не успел выпить пиво из-за меня? — с иронией поинтересовалась Ирэна, — Но это легко исправить. Пошли в другой бар, здесь их много.

— А пошли! — с весёлой готовностью согласился парень. И вот они уже сидят за столиком в каком-то дешёвом баре, пьют пиво. Алексей рассказывает о своей учёбе в худож-

ке, а Ирэна внимательно слушает, иногда её красивые чувственные губы подрагивают в лёгкой улыбке.

— Художник — это не профессия, это состояние души, — говорит парень, — Скорее всего, я буду заниматься дизайном, попробую себя в рекламе или интерьере. Не знаю, ещё не решил. А чем занимаешься ты?

— А я старше тебя, — без всякого кокетства отвечает Ирэна, — В прошлом году университет закончила, работаю теперь на крупном предприятии в финансовом отделе.

— Ух ты... — восхищённо отзывается Лёха, — А я было подумал, что ты...

— Ну говори, говори! — видя смущение парня, требует Ирэна.

— Ты только не обижайся, я подумал, что ты подружка какого-нибудь богатого папика.

— Почему так решил? — напряглась вдруг девушка.

— Ну... на проститутку ты не похожа, одета не вызывающе, но дорого, стильно. И пришла в бар одна, значит...

— Ничего это не значит! — обиделась вдруг Ирэна, — Я не содержанка, понятно? Сама на жизнь зарабатываю.

— Понятно, понятно! — примирительно согласился парень, — Я же предупредил — не обижайся. Я ошибся, только и всего. И вообще... К деньгам и престижу равнодушно отношусь. Я же художник, — не без нотки гордости произнёс он.

— И что? — удивилась Ирэна, — Разве художникам не

нужны деньги?

— Деньги всем нужны, — ответил Алексей и снисходительно посмотрел на девушку, — Но с ними надо быть осторожным. Ведь если ты художник, ты талантлив. В большей или в меньшей степени, то талантлив. Этим и отличаешься от остальных. А талант гибнет в роскоши и сытости. Актеры, певцы, художники, писатели, танцоры, музыканты, композиторы, поэты — все они занимаются творчеством, делом интересным, захватывающим. А если такой человек оказывается в богатстве, то теряет талант.

— Это такая плата за богатство? — спросила Ирэна, и в её живых изумрудно-зелёных глазах показалась грусть.

— Ну да, — уверенно кивнул Алексей, — Душа отяжелеет, раскормится сытостью и уже не взлетит, не запарит высоко в небе вольной птицей. Вот ты видела, например, чтобы толстые откормленные птицы взлетали? Пингвины или жирный домашний гусь?

Ирэна засмеялась, весело и заливисто, но даже тогда грусть не исчезла из её глаз.

— А пойдём ко мне, работы мои посмотришь? — вдруг предложил парень, взяв Ирэну за руку. Она согласно кивнула и пошла с ним.

Жил Алексей, точнее снимал небольшую квартиру, недалеко от речного вокзала, а так как окна в комнатах были открыты, слышались гудки катеров и грузовых барж. Ирэна походила по комнатам, где вдоль стен стояли холсты с картина-

ми, очень внимательно разглядывала работы, восхищалась пейзажами, похвалила. Алексей остался доволен, усадил девушку за стол с несвежей липкой скатёркой, достал из холодильника чуть засохший сыр и немного колбасы, а затем попросил подождать, пока он сходит в ларёк (совсем рядом, минут пять займёт) и купит вина. Поинтересовавшись, какое вино девушка предпочитает — красное или белое, он ушёл, оставив входную дверь приоткрытой. И как только стихли его шаги на лестнице, Ирэна растерянно обвела тесную кухню, незнакомую неприбранную квартиру и с недоумением спросила себя, что же она здесь делает? Ведь совершенно понятно, зачем этот парень привёл её сюда. Чтобы провести с ней ночь, как того хотел и тот солидный господин в баре, но только теперь совершенно бесплатно. Бедный художник не собирался ей платить.

«А надо ли это мне?», — с запозданием подумала Ирэна. Сейчас, когда основной её обязанностью было удовлетворять жадные сексуальные аппетиты своего покровителя, Ирэна чувствовала усталость от секса. Так же как повар устаёт от приготовления пищи, она устала от своей, на первый взгляд, необременительной обязанности. Ирэна решительно встала, накинула плащ, взяла в руки сумочку и вышла из квартиры, плотно прикрыв дверь. Быстро спустилась по лестнице и пошла по тропинке к автобусной остановке, а когда подъехал автобус, Ирэна, даже не посмотрев его маршрута, поспешила в его тёплое нутро. И уже глядя в тёмное окно на удаляющуюся

юся старую кирпичную пятиэтажку, представила, как Алексей вернётся и с недоумением обнаружит её побег. И почему-то стало весело, как будто Ирэна вдохнула глоток свободы. Вот бы и от Евсеева так убежать!

*Я, наверно, птица ручная, только вот нет рук для меня
И страна моя не большая иль большая, но не моя.*

Птицей пролечу, не поймаешь, улечу, взмахнув, вновь крылом.

*Ты меня еще ведь не знаешь, ты меня узнаешь потом.
Пролечу я над господами, господа, вы мне не семья.
Вы меня не трожьте руками, ваши руки не для меня...*

Песня Юлии Михальчик «Птица»

Глава вторая. Ночной дождь

«Люблю дождь — он приносит с собой запах неба...»

Макото Синкай

«Вот и дожди пошли... Смывают пыль с души, чтобы потом её очистить белым снегом...»

Vk-shy.ru

«Убежать...», — эта мысль, вначале промелькнувшая как шальная, весёлая, теперь стала навязчивой, прилипчивой. И когда Ирэна добралась до дома, и когда переоделась в лёгкий домашний халатик из белого хлопка, и даже когда пробежала взглядом по бутылкам, расставленным на стеклянной полке стройными рядами, эта мысль не покидала её.

«Надо выпить», — решила Ирэна. В баре ей не дали посидеть в одиночестве и подумать, а ей просто необходимо было подумать... Она провела пальчиком по крышкам бутылок, пытаясь сделать выбор. Хорошо бы сейчас водки, простой русской водки. Такой, какой любит её батько. Но водки не было. Евсеев предпочитал коньяк, бренди и крепкий шотландский скотч. Ирэна взяла бутылку с джином, повертела её в руках, недоуменно взглянула на ценник. Надо же, платить несколько тысяч за крепкое никчёмное пойло! Ирэна усмехнулась, откупорила крышку и принюхалась. В отличие от остальных отвратительно пахнущих напитков, джин отдавал приятным можжевелевым ароматом. Что ж... За неимением водки, сойдёт и это. Ирэна щедро налила джин в пузатый стакан из тёмного венецианского стекла. « Кажется, муранское...», — подумала Ирэна, села в кресло, поставила стакан на журнальный столик и взяла в руки пульт от телевизора. Экран приветливо загорелся, оживляя тёмную комнату звуком и светом. Ирэна сделала один глоток и поморщилась. Тоника, чтобы разбавить джин, в баре не нашлось. Евсеев никогда не разбавлял джин. С отвращением Ирэна поставила стакан на столик, бесцельно посмотрела на экран, но задержала взгляд. В такой поздний час шла не музыкально-развлекательная программа, как обычно, а какая-то передача, где показывали интервью с очень пожилой супружеской парой. На экране плазменного телевизора женщина ласково смотрела на седовласого мужчину напротив, и от её

искренней нежной улыбки морщинки лучиками разбежались по уголкам глаз, делая её лицо светящимся, таким тёплым...

— Расскажите историю вашей любви! — потребовал молодой ведущий, облачённый в модные утягивающие джинсы и блестящую узкую рубашку.

— А что рассказывать-то... — сначала неуверенно и несмело начал пожилой мужчина, но поймав ласково-одобрительный взгляд жены, осмелел, — Давно это было. Я очень молод тогда был, когда Машеньку встретил (и снова ласковый взгляд на жену, а она кивает в ответ), но повстречались мы совсем немного. Мне время пришло в армию идти. Машенька проводила меня и обещала ждать. На прощание мы встретились возле своего дуба, мы всегда под ним встречались. Большой такой, ветвистый, возле дороги стоит. И подарил я Машеньке платочек синенький.

— Как в той легендарной песне? — не удержался от удивлённого возгласа парень-ведущий.

— Ну да... Получается, как в песне, — слегка улыбнулся мужчина, — Мы письма друг другу писали нежные, конца службы ждали. А до него оставался всего месяц один. И в этот самый месяц роту, где я служил, переводят в горячую точку, так сказать... — пожилой мужчина сделал паузу, помолчал. Бойкий ведущий не осмелился перебить его думы, терпеливо ждал, когда седовласый мужчина вздохнёт тягостно и снова заговорит, — В госпитале я оказался. Ногу ампутировали после ранения. На целый год там задержался. Ле-

чение, протезирование, по-новому учился ходить... Письма перестал писать, а если приходило письмо от Машеньки, тоже не читал. Но пришло время домой возвращаться...

Снова пауза. Стильно одетый ведущий с интересом всматривается в лицо мужчины. Ирэна, затаив дыхание, тоже всматривается в экран, так же напряжённо ждёт.

— Добрался я до областного центра, — продолжил свой рассказ седовласый мужчина, — Рейс автобуса в деревню ждать до вечера. Что делать? Решил на попутной добираться. Стал на обочине и голосую. Остановился автобус, из него кричат: «Садись, солдат!» Все шумные, весёлые, хмельные. Со свадьбой едут. Мне тоже налили водочки, выпил я, молодых поздравил. А как на красавицу-невесту взглянул, так слёзы на глазах.

— Что, неужто невестой ваша Машенька оказалась?! — не выдержал ведущий.

— Нет, не Машенька... Только я на невесту посмотрел и свою милую вспомнил... Невестушка-то тоже слёзы мои заметила и спрашивает, отчего ты, солдат, невесёлый, домой же возвращаешься! А я возьми да и расскажи всё... Рассказал, как не вытерпел и Машеньке письмо всё-таки написал. Сознался я в этом письме, что возвращаюсь инвалидом. И если она всё ещё ждёт меня, то пусть повесит на том дубе нашем, что у дороги, платочек синий. Если же не ждёт меня, то увижу, что платочка нет, и мимо проеду, ни в чём её не обвиню.

Камера оператора выхватила лицо женщины, она всё так же улыбалась, не отводя ласкового взгляда от мужа.

— И вот все мы затихли, едем почти молча, все ждём, когда за поворотом старый дуб появится. И невеста, и жених её, и гости все в окна смотрят, взгляд вместе со мной оторвать от дороги не могут, всё поворота ждём. И страшно, и нетерпеливо, всё кусты и деревья в окне мелькают... Чем ближе подъезжаем, тем сердце сильнее колотится, сжимается, вниз ухает. И вот поворот тот... А я глаза от страха зажмурил... — снова пауза, Ирэна сжимает пальцами пуговичку на халате, нервно вертит её, — Повернул автобус, и все, кто в нём был, с мест повскакивали, закричали радостно, удивлённо. И я осмелился в окно посмотреть — весь дуб наш, каждая его веточка синими платочками обвязан! А много их как! Так и переливаются они синим облаком на солнце! — пожилой мужчина замолчал, отвернулся, пытаясь спрятать лицо от камер, но Ирэна заметила, как блестят выступившие в его светло-голубых глазах слёзы.

И не сразу поняла, что её собственные слёзы так же катятся по лицу. Но она их не стирает, не пытается скрыть, нажимает на пульт. Экран гаснет, Ирэна сидит в полной тишине, а когда снова тянется за стаканом, рука дрожит, нечаянно расплёскивает содержимое на пол. Ирэна разжимает пальцы, и стакан с глухим стуком падает на палас. Тёмное пятно разливается на идеально белоснежном паласе, запах спиртного разносится по комнате. Вонючее элитное пойло впитывается

в мягкие ворсинки паласа. А Ирэна и не видит этого, смотрит сосредоточенно в одну точку, обхватив себя руками за плечи.

«А ведь и у меня была такая любовь... — мысль яркой молнией проносится в её сознании, прожигая его и причиняя мучительную боль, — А я сама взяла да и предала её...» А теперь что?! Она безмолвная, на всё готовая красивая игрушка. Ещё в начале их отношений, лет пять назад, когда Ирэна училась в университете и на одной из вечеринок встретила Евсеева, он относился к ней внимательно и нежно. Но постепенно всё стало меняться, а когда через пару месяцев Ирэна узнала, что беременна, то интуитивно решила смолчать. А когда скрывать уже стало поздно, призналась. Она до сих пор помнила, как Илья изменился в лице, потребовал сделать аборт. Но узнав, что срок большой, всё-таки разрешил рожать. Но при этом продолжал приходить к ней, беременной, и требовать от неё выполнения своих «обязанностей». Он не жалел её, нет. Совокуплялся с ней так же неистово, как и раньше, даже её большой живот не мешал. Возможно, он надеялся, что она скинет ребёнка. Только вот порода у неё батькина, казацкая. Донских казаков порода, бабушка на лошади скакала, ничего не боялась. И ребёнок отчаянно уцепился в ней за жизнь. А когда Ирэна родила в срок, Евсеев сразу же потребовал увезти его к родителям Ирэны, а иначе, пригрозил, что заберёт и в детдом сдаст, что она и не найдёт своего сына никогда больше. Ирэна испуга-

лась послушаться. И месяца сынишке не было, как привезла его матери и отцу. Батько не ругал, нет. И Настя слова не сказала. Приняли с радостью. Только спросила, как назвала ребёночка. Ильёй назвала, хотела в честь отца его, только вот отцу он и не нужен вовсе отказался. Хоть своих детей с женой у него не было, а приبلудыш не нужен.

Через пару дней Евсеев приехал к ней, заставил ноги перед ним раздвигать, даже месяца после родов не подождав, чтобы дать Ирэне восстановиться. А через полгода его жена, наконец, забеременела. Вот её Евсеев берёт, к беременной не прикасался и после родов долго ещё не подходил. К Ирэне ездил, чтобы в неё слить, вот тогда-то она себя и начала чувствовать не как женщина, а как сосуд для принятия спермы.

Несколько раз Ирэна пыталась увидеть его жену. Нет, она не хотела с ней поговорить, да и нечего ей было сказать жене Евсеева. Просто женское любопытство. И как-то всё же увидела её на одной из корпоративных вечеринок. Хотя мадам Евсеева делами компании не интересовалась, жизнь вела праздную и светскую. А вот на той рождественской вечеринке для сотрудников компании взяла вдруг и появилась. Наверно, тоже что-то почувствовала. Ирэна рассматривала её издали и всё больше недоумевала. Полноватая крашеная блондинка лет тридцати пяти, узкое красное платье уродливо обтягивает полную грудь и массивные бёдра, макияж яркий и неумелый. Даже странно, с таким достатком-то и так плохо и дёшево выглядеть... А позже Ирэна узнала всё от тех

же сотрудников из финансового отдела, что тесть Евсеева — человек богатый и имеющий вес в чиновничьих кругах, зятя щедро спонсирует и опекает от разных проверок, начиная с налоговой и заканчивая санэпидстанцией.

И тогда всё на свои места встало. Не любит Евсеев жену, а она это чувствует, потому такой несчастной и неухоженной и выглядит. Ирэна даже посмеялась над собой, что поначалу ревновала Илью к его жене. Теперь понятно, почему Илья сына внебрачного испугался, поспешил спрятать его, чтобы тесть не прознал. Да, сына Илья хотел, наследника. А первенца не законная жена родила, а любовница. Ещё одна насмешка судьбы...

Ирэна отвлеклась от своих горестных мыслей только когда ночной ветер, залетев в открытое окно, хлопнул рамой. Ирэна обернулась на звук, подошла к окну. Тёмное ночное небо пересекла яркая вспышка молнии. Широкие листья тополей тревожно застучали по стеклу. И вдруг к Ирэне пришло решение, такое же быстрое как эта ночная вспышка молнии. «Бежать!», — уже уверенно повторили её губы. И сразу же стало легко-легко внутри, как камень с души свалился. И душа! Вот она, трепещет под рёбрами гулкими сердечными ударами, так неистово, что и продохнуть больно. Бьётся крыльями своими израненными, и расправить их старается, в груди не уместаясь, полёта хочет, взлететь пытается. Ирэна ещё долго стояла возле окна, глядела на огненные всполохи, слёзы бежали по лицу, а капли ночного дождя, крупные и

чистые, стекали вниз с оконного стекла.

С первым оглушительным раскатом грома Ирэна отшатнулась от окна, оглядела тёмную безжизненную комнату с дорогой итальянской мебелью, белоснежным паласом с темнеющим на нём уродливым пятном от пролитого джина, баром, забитым бутылками. А затем подошла к выключателю и резким движением включила свет. Он на миг ослепил её, заставил прикрыть глаза, но Ирэна решительно их открыла, резкими быстрыми движениями направилась к шкафу и начала доставать из него вещи. Вытащив на середину комнаты два огромных чемодана на колёсиках, молодая женщина старательно улаживала в них одежду. Но когда чемоданы оказались битком набиты вещами, в шкафу оказалось ещё много одежды. И тогда Ирэна решила сделать перерыв до завтра. А завтра она купит ещё парочку таких же огромных дорожных чемоданов и продолжит собирать вещи. Приняв решение, Ирэна больше не сомневалась в его правильности. Она прошла в спальню, упала на кровать, закрыла глаза и сразу же провалилась в сон, глубокий и спокойный. А за окном бушевала стихия, белесо-огненные молнии озаряли комнату и спящую на кровати девушку, раскаты грома сотрясали оконные стёкла, заставляя их дрожать. Но ничего этого не видела и не слышала девушка, она спала крепко, обняв руками подушку. Её нежные щёки высохли от слёз, а мокрые ресницы прикрывали веки спокойно, не вздрагивая.

Глава третья. Попроси у облаков

*«Глядеть на облака больно, но полезно,
как полезно многое из того,
что вызывает боль»*

Мэтью Квик «Серебристый луч надежды»

Облака плывут куда-то.

В небе синем далеко...

Знать бы, что для счастья надо?

На душе станет легко...

Svetlana-Supreme

На следующий день Ирэна собрала оставшиеся вещи, их оказалось шесть чемоданов. Она даже не предполагала, что у неё столько одежды. Одного только нижнего белья и чулок набралось на целый чемодан. Верхняя одежда — несколько пар пальто, плащей, курточек и две норковые шубы (одна из чёрного меха, другая из белого), обувь заняли ещё два огромных чемодана, и ещё один был забит платьями. Драгоценности, которые ей дарил Илья, Ирэна брать не стала. Их он может передарить своей жене, а вот одежду ему придётся только выкинуть, потому что её размер и размер одежды жены Ильи разный. Его жена носит 56-й, а Ирэна 44-й. Поэтому многочисленные дорогие платья, обувь и верхнюю одежду Ирэна забрала без зазрения совести. Зайдя в кабинет Ильи, Ирэна положила банковскую карту вместе с драгоценностями на идеально полированную поверхность массивного стола из красного дерева и написала на листе бумаги: «Илья, прости, но я так больше не могу. Я не хочу быть

в тени твоей жизни, я хочу жить на солнечной стороне улицы. Возвращайся к жене и сыну, а я уезжаю в Таёжный. Будь счастлив!» и оставила послание тут же на столе. Если Илье будет недостаточно её письма, она может объясниться с ним по телефону. Ирэна надеялась, что он не станет её преследовать.

Пришлось позвонить охраннику и попросить его вызвать такси, а ещё подняться к ней на третий этаж и помочь вынести багаж. Рослый молодой охранник с радостью согласился, даже денег за свою помощь не взял.

— Ирэна Станиславовна, — проговорил он, скромно отводя взгляд и по-мальчишечьи краснея, — Я с вас денег не возьму, мне только в радость помочь вам.

Ирэна сдержалась от ухмылки, про себя заметив, что как только Евсеев заедет во двор, этот пылкий поклонник сразу же расскажет про то, как она вызывала такси и сколько много вещей у неё было. Всё донесёт, ни одной подробности не забудет.

Но вот и такси подъехало...

— Удачной поездки, Ирэна Станиславовна! — подобострастно произнёс охранник, закрывая за ней дверцу машины.

Дорога до дома долгая. Сначала миновали оживлённые магистрали, потом пригород, а затем длинное шоссе. Ирэна смотрела в окно, но пейзажа за ним не видела, она думала о том, как резко поменяется её жизнь уже через несколь-

ко часов. Готова ли она к этому? Возвращаться домой было и радостно, и грустно одновременно. Радостно оттого, что она увидит родителей, брата и сына, а грустно оттого, что её жизнь не удалась. Её красота — обещание счастья — стала больше препятствием к счастью. Ирэне всегда казалось, что она достойна большего, лучшего, и она проходила мимо того, что предлагала ей судьба. В итоге она стала содержанкой у богатого женатого мужчины. Ирэна с грустью вспоминала свою юность, глядя в окно автомобиля, — любовь Дениса, своё безмерное, как океан, счастье. Прошлое проносилось мимо вместе с полями и редкими деревьями: вот Денис спас её в тайге от нападения медведя, вот он протягивает ей фляжку со спиртом, вот они танцуют вальс под радио в тесной комнатухе общежития. Ирэна, ещё совсем юная девушка, весело и беспечно смеётся в объятиях любимого. А он смотрит на неё с нежностью и страстью одновременно. Так она не смеялась больше никогда и ни с кем. Позже она танцевала в самых престижных ночных клубах Монако и Лазурного побережья, но уже нигде ей не было так легко и весело, как в той тесной комнатухе рабочего общежития. Их с Денисом ночи любви были безумно восхитительны. Он был опытный, требовательный любовник, но и нежный одновременно. Вот ещё одно воспоминание из прошлого — Денис специально, чтобы привезти её любимые пирожные, едет в город очень рано, пока Ирэна спит. А вот вспомнился и тёмный гулкий коридор больницы, где Денис хватает её за руки

и умоляет её поехать с ним домой. Его взгляд полон отчаяния и надежды. С той минуты, когда там, в коридоре, она сказала ему «нет», и начала её жизнь лететь под откос. С замиранием сердца Ирэна подумала о том не родившемся ребёнке. Сейчас ему было бы уже почти восемь лет. Интересно, мальчик бы это был или девочка? Этого уже не суждено узнать! Ирэна в один день потеряла и ребёнка, и любимого мужчину только по своей глупой тщеславной прихоти. Она тогда ещё не понимала, насколько огромна, безмерна эта потеря... Сейчас в двадцать шесть лет она чувствует себя усталой, никому не нужной. Её жизнь, проходящая среди дорогих вещей и в череде светских развлечений, скучна и пуста. На глаза Ирэны навернулись слёзы, застывая зелёные равнины в окне. Она, пытаясь их стереть, только разводила ладонями по щекам. «Собери себя по кускам и живи!» — приказала она себе.

*Минули-сгинули слова наивные и унеслись в
небеса,*

*Просто ли, сложно ли, ситцем берёзовым ветер
играет в лесах.*

*Было ли, не было, нитками белыми сшиты
сомненья твои,*

*снами-надеждами не буду прежней я, просто
меня отпусти...*

*Мало ли, много ли, днями-тревогами я настою на своём.
Вынесу, выстою, песню свою спою, но не с
тобою вдвоём.*

Из песни Юлии Мхальчик «Лебедь белая»

Дома всё было, как и прежде, только сын заметно подрос. К ней навстречу выбежал загорелый мальчуган. Ирэна обняла его. «Ты, ты вернулась? Ты надолго?» — с робкой надеждой спросил он, так и не назвав её мамой. Ирэна пригладила ладонью непослушные тёмно-рыжие, как у неё самой, вихры волос и улыбнулась: «Навсегда, сынок. Теперь я тебя не оставлю» Она вошла в дом с чувством робости. В комнатах было тихо, пахло знакомым с детства ароматом скошенной в огороде травы. Старая яблоня шелестела в окно ветками. Солнце, прорываясь сквозь листву яблони, оставляло на старом ковре причудливый кружевной узор. « Я дома... Наконец я дома!» — с чувством детского восторга подумала Ирэна. Вот стол, под которым они с братом играли в шашки, когда были детьми. А вот и её старый любимый плед на кресле, которым она так любила накрываться и читать книжки в дождливую погоду. Всё на своих местах, как будто и не уезжала Ирэна никуда в поисках лучшей более интересной жизни. Среди дорогой одежды из фирменных магазинов, которую она привезла, ничего не подходило, чтобы надеть и заняться домашними делами. Тогда Ирэна открыла мамин шкаф и взяла с полки ситцевый халатик. В нём она и нача-

ла хозяйничать. Начала с того, что стала готовить обед. Ирэна сварила суп, нажарила оладьев, а затем накормила сына. Подперев рукой щёку, она смотрела, как быстро и с аппетитом мальчик ест. Отпустив сына гулять, Ирэна сходила к колодцу за водой. Наступая босыми ногами на мелкие камешки на тропинке, она рассмеялась. Всё было мило сердцу, щемящий восторг вызывали знакомые с детства, но уже позабытые вещи. Вернувшись в дом, Ирэна помыла полы. Домашние хлопоты были ей в радость. Когда вечером вернулась мама (оказывается, она в поликлинику на автобусе ездила за каким-то рецептом льготным, а потом ещё и в аптеку — так сказала соседка, которая осталась за Ильюшей присматривать), Ирэна уже прополосала грядки в огороде. Увидев дочь, Настя расплакалась. Ирэна обняла маму и тревожно спросила:

— Мам, ну мам, что с тобой?

— Доченька, мы так редко виделись в последнее время...

— Мама, теперь мы будем вместе каждый день. Только не плачь больше...

— Правда, родная, ты никуда не уедешь? Ты останешься с нами?

— Да, правда, правда, никуда не уеду. Наездила уже! — рассмеялась Ирэна, целуя маму в щёку, — И пошли скорее ужинать. Есть хочу, не могу! А когда батя приедет с работы?

Настя, вытирая ладонью мокрую щёку, смущённо произ-

несла:

— Не приедет... В больнице он. Но пошли ужинать, и вправду поздно уже.

За ужином Настя рассказала печальные новости.

— Не говорила тебе, дочка, раньше... Думала, всё обойдётся. Инсульт у него случился месяц назад. Хорошо, что вовремя в больницу увезли. Теперь вот проходит курс реабилитации, получше ему сейчас стало.

— Как?! — Ирэна забывает о еде, вилка выпадает из рук, а маленький Илья вздрагивает и сжимается, — Почему мне не сказали?

— Да ты же во Франции тогда была. И звонить тебе туда дорого, да и зачем отдых тебе было портить?

— Но это же мой отец... — шепчет Ирэна и жалобно, по-детски всхлипывает. Настя встаёт из-за стола и подходит к дочери, обнимает её за плечи и прижимает к себе.

— Он сам просил тебе не говорить, дочка. И я не стала его расстраивать. Очень меня просил — не говори донечке, не нужно ей переживать.

— Но почему?.. — сквозь слёзы возражает Ирэна, — Я бы приехала, я бы всё бросила и приехала... Может, ему лекарства дорогие были нужны, а он не сказал!

— Ему уже лучше. Правда, лучше, дочка. А лекарства ему бесплатно положены, я всё в аптеке купила по рецепту. Да и товарищи его из воинской части приезжали, проводывали. И мы с тобой на следующей неделе съездим, вот он рад будет.

Ирэна всхлипнула, подняла затуманенный слезами взгляд и увидела бледное испуганное лицо сына. Он сидел неподвижно, напряжённо и не мигая смотрел на неё. Ирэна спохватилась.

— Сынок... Ты кушай, кушай, а после спать пойдём. Я тебе сказку на ночь почитаю, хочешь?

Мальчик кивнул и начал есть омлет. А Ирэна с запозданием поинтересовалась у матери:

— Так ты, что же, весь месяц одна с ребёнком?

— Да он в садик ходит, дочка. Ничего, справляюсь, — ответила Настя, ей очень хотелось расспросить Ирэну сколько времени она пробудет дома, но не решилась, не спросила. Сколько пробудет — это всё их время, пусть даже если его совсем-совсем немного...

Спать легли на старой бабушкиной кровати с чугунными резными изголовьями, приглушённый свет ночной лампы падал на бледное лицо ребёнка.

— Что почитать? — растерянно спросила Ирэна, бросив взгляд на полку с детскими книжками и выхватив яркую обложку «Питера Пена»

— Спой мне песенку, — неожиданно произнёс мальчик и посмотрел тёмно-изумрудными глазами, влажно поблескивающими в приглушённом свете.

— Ну... хорошо, песенку так песенку, — легко согласилась молодая женщина и осторожно прилегла рядом, забот-

ливо подоткнула одеяло, укрывая сына. Она совершенно, ну просто абсолютно не знала, что делать и как вести себя с этим странным мальчиком. Да, это её ребёнок, её родной сын. Вот у него даже волосы такие же обидно-рыжие и глазищи большие, зелёные-презелёные, как у неё самой. Но взгляд его... Ирэна терялась, она ничего не знала о своём сыне. НИЧЕГО. И эта мысль, впервые за шесть с половиной лет жизни её сына посетила Ирэну. И ей стало страшно и ...впервые стыдно. И, отводя виноватый взгляд от лица сына, она попыталась вспомнить слова колыбельной, которую недавно слышала по телевизору. Память на слова у Ирэны была потрясающая, и, стоило ей только представить красивый голос Полины Гагариной, как первые строки припомнились быстро, как будто сами по себе начали выстраиваться в недавно услышанную песню:

Загляни ты в сердечко мне
И скажи «Уходи!» зиме.
Ветер воет, а ты грей меня.
Небо стонет, а у нас весна.

Нежный и тихий голос звучал в тишине, обволакивая, успокаивая и убаюкивая. Но странный мальчик не закрыл глаза, наоборот, оживился и с жадностью припал взглядом к лицу женщины, которое белело в полутьме при неярком скупом свете ночной лампы со старым сиреневым уже давно выцветшим абажуром. Поняв, что её слушают, Ирэна при-

ободрилась и продолжила:

Попроси у облаков
Подарить нам белых снов.
Ночь плывёт, и мы за ней
В мир таинственных огней.

Разгони ты тоску во мне,
Неспокойно у меня на душе.

«А ведь и правда, беспокойно, — подумала Ирэна. Тревожно на душе, маятно. А отчего маятно? Ирэна чувствовала, понимала, что именно сейчас в этот день и в этот вечер полностью изменила свою судьбу, отказалась от всего привычного, отказалась от себя самой прежней. А новой Ирэны ещё нет, и к чему этот её сегодняшний поступок приведёт? Тоже неизвестно. Потому и маятно. Потому и тревожно жить с ощущением вины, с осознанием того, что вся её жизнь, все её поступки были какие-то неправильные, легкомысленные. А как быть дальше, молодая женщина не знала. Но, положившись на мудрость интуиции, решила, что всё само собой образуется. Время только нужно.

Попроси у облаков
Подарить нам белых снов.
Ночь плывёт, и мы за ней
В мир таинственных огней.

Разгони ты тоску во мне,
Неспокойно у меня на душе.

Ирэна два раза повторила припев, сын продолжал слушать очень внимательно, взгляд его детских глаз стал задумчивым, и личико заострилось.

— Ну, а теперь спать! — решительно произнесла Ирэна и, приобняв мальчика, легонько заставила его положить голову на подушку, доверчиво прошептала в детское ушко, — Знаешь, открою тебе секрет, в детстве мне рассказывали, что ночью оживает то, что прячется днём. И если ты сейчас не закроешь глазки и не уснёшь, то увидишь, как над крышей дома напротив пролетает ведьма на метле.

Илюша недоверчиво посмотрел на Ирэну и бросил опасливый взгляд в тёмное окно, где при жёлтом свете восходящей луны зловеще чернели корявые ветки старой яблони. И испуганно зажмурился, прижался к груди Ирэны. А она провела ладонью по его волосам, тихо засмеялась, прикоснулась губами к детской щеке.

— Ничего не бойся, сынок. В детстве мне было страшно засыпать, потому что я была в комнате одна. Но теперь мы вместе. И никто не посмеет нас напугать, верно? А теперь закрывай глазки, чтобы тебе приснился волшебный сон. Он уже прилетел и ждёт, когда ты позволишь ему показать тебе интересную историю.

Мальчик кивнул в ответ и закрыл глаза. Ирэна продолжала легонько поглаживать сына по волосам, дожидаясь, когда ребёнок уснёт. И в тишине, не волшебный сон, а острые обидные и жгучие мысли прокрались в её сознание. Она вспомнила свой прошлый приезд до того, как они с Евсеевым улетели во Францию на Лазурный берег. Это было больше месяца назад. И тогда отец, всегда ласковый и приветливый с дочерью, впервые посмотрел на неё строго, даже сурово и произнёс:

— Ты, доня, не приезжай больше. По телефону нам с матерью звони, и хватит с нас этого. Каждый раз, когда ты вот так приезжаешь наскоками на пару часов, только сердце Ильюшке тревожишь, рану его расколупываешь. Ты приехала, побывала пару часов и упорхнула. А Илышка потом несколько дней сам не свой ходит или убегает куда и прячется. Мы с Лялечкой его еле находим. В прошлый раз он в старом сарае у Васильковых просидел. Промёрз весь, пока мы его нашли. Не приезжай, доня, не надо.

Тогда она на слова отца обиделась. Никогда до этого он ей ничего не запрещал, а тут вот взял и резко так потребовал от неё в родном доме больше не появляться. Ирэна тогда с обидой в сердце уехала и действительно почти два месяца не то что не появлялась, а и не звонила даже родителям. И о сыне ничего не спрашивала.

А теперь вот в ночной тишине, в сиренево-тревожном свете лампы подкралось это воспоминание. Пока она на от-

да обижалась, он, оказывается, в больнице между жизнью и смертью находился. А она и не знала ничего, не догадывалась. Да и прав был тогда отец, что ни говори... Плохая она мать, никудышная. Как можно отказаться было от возможности прижать к себе сына? Ирэна провела ладонью по узкой спине ребёнка, прижалась щекой к вихрастому затылку. И слёзы, жгучие, полные стыда и отчаяния, брызнули из глаз. Ирэна всхлипнула, но слёзы эти сдержать не пыталась. Пусть бегут, раз им надо так... Слёзы эти щипали глаза, и с ними, со слезами этими жгучими выходило что-то ещё, и на душе становилось легче. Как будто душа очищалась от чего-то ненужного, избавлялась от отчаяния и обиды.

Слёзы текли и текли по лицу, делали влажными рыжеватые вихры сына, а потом вдруг перестали. И молодая женщина вздохнула жалобно, но легко, сладко, закрыла глаза и погрузилась в сон мгновенно, по-детски быстро и легко. И в ту ночь к ней тоже пришли волшебные сновидения. Ирэне снилось лето, ромашковое поле, облака над рекой и она сама, маленькая рыжая девочка, бегущая босиком по этому полю к реке. А над ней порхали разноцветными крыльями бабочки. Совершенно детский сон. Ирэне такие сны много лет как не снились.

На следующий день Ирэна попросила Настю поехать в больницу к отцу. Они выехали на своей машине утром, как только отвезли Ильюшу в садик. Солнце уже золотило ветви

черёмух, буйно разросшихся вдоль огородов по обеим сторонам просёлочной дороги. Ирэна залюбовалась свежими листьями, покрытыми росой, прозрачной дымкой чуть подрагивающего тумана, поднимающегося с полей. А она уже и забыла, как здесь бывает красиво ранним утром! А дышится-то, дышится как легко, Господи! В приоткрытое окно врывались запахи скошенной травы и ароматы полевых цветов.

— Скоро август кончится, — заметила Настя, так же смотря в окно, и озабоченно добавила, — А мы Ильюше в школу ещё ничего не собрали.

Ильюша должен идти в первый класс этой осенью, и такое важное событие полностью вылетело из головы Ирэны.

— Да, конечно, мама, — спохватилась она, — Мы обязательно всё купим, и школьную форму, и портфель, и тетрадки с ручками.

— Боюсь, что пенсии отца на всё не хватит, — вздохнула Настя и повернулась к дочери, сидящей за рулём, — Я тебе не говорила, но... Я под сокращение попала. Не работаю с весны. А как отец заболел, так его сразу на пенсию отправили. Вот так и живём на одну пенсию... Да ещё лекарства... В аптеке, где по льготному рецепту можно купить лекарство, нужных лекарств вчера не оказалось в наличии, пришлось идти в другую аптеку и покупать их, а они такие дорогие...

— Почему ты мне раньше про это не сказала? — упавшим голосом спросила Ирэна.

— Дочка... ты не подумай только, я не чтобы упрекать тебя говорю. Так уж вышло...

Ирэна промолчала. А когда приехали в больницу, волнение Ирэны возросло. Как отец примет её? А если он ей совсем не обрадуется, как раньше?

Но стоило ей переступить порог палаты, как все сомнения разом исчезли. Отец, как только увидел их в дверях, оживился, в карих глазах появился молодой блеск.

— Лялечка! И донька моя приехала! — радостно обратился он к ним и поднялся с кровати так живо и быстро, как будто и не чувствовал недомогания. Сначала он обнял жену, а потом дочку. Ирэна уткнулась носом в ворот его фланелевой рубахи, спрятала лицо.

— А я думала ты мне не рад будешь... — прошептала она.

— Да как не рад, донька... Как не рад! Я же так тебя ждал!

— Тогда почему приходить к тебе запретил? — Ирэна подняла голову и посмотрела на отца.

— Так я же думал... — он вдруг взглянул на Настю, и она, поняв его молчаливую просьбу, вышла из палаты, прикрыв дверь. И только тогда Стас Назарович усадил дочь на кровать, сам сел рядом и произнёс тихо, с грустью в голосе, — Я запретил тебе приезжать, потому что боялся, что ты не приедешь.

Ирэна непонимающе смотрела на отца, а он всё так же печально улыбнулся и продолжил:

— Ты совсем нас забыла, забросила. Ладно нас с Лялеч-

кой... мы поймём и простим. Но ведь ты и сына знать не хочешь.

— Батько... — едва сдерживая слёзы и прикусывая нижнюю губу, чтобы не расплакаться как в детстве, произнесла Ирэна, — Я вернулась домой. Насовсем вернулась. С вами теперь жить буду.

— Правда? — недоверчиво, но уже с радостью в голосе спросил отец.

— Да, батько.

— Что-то случилось? Тебя обидел кто? Ты скажи, доня, скажи! Я вмиг того, кто обидеть посмел, так к стенке припру, что мало ему не покажется.

Ирэна засмеялась, а у самой по щекам побежали слёзы.

— Нет, никто меня не обидел. С вами жить хочу... соскучилась, — говорит Ирэна и чувствует, как сильные руки отца осторожно прижимают её к себе, как гладит он её широкой ладонью по спине.

— Надо же... — говорит он дрожащим срывающимся голосом, — Я боялся, что ты, узнав, что я заболел, не придешь даже... а ты вот, сразу же как узнала, ко мне прибежала. Прости меня, донечка, прости...

— Это ты меня прости, батько, — Ирэна подняла голову и улыбнулась, потёрлась носом об его плечо.

А когда в палату снова вошла Настя то, взглянув на светящийся взгляд мужа, поняла, что скоро он пойдёт на поправку.

Глава четвёртая. Лисичкин дом

«Живи, сохраняя покой.

Придёт весна, и цветы распустятся сами»

китайская пословица

Ирэна шла, постукивая каблучками по старой в мелких трещинках асфальтовой дорожке, держа в руке большую холщовую сумку, с которой мама обычно ходила в магазин. Именно туда направлялась теперь Ирэна.

Ещё не осень, но уже и не лето. Всё ещё зелёные, но уже кое-где с желтоватыми прожилками листья тополей шуршали, потревоженные холодным ветром. «Сегодня же Мирон-ветрогон», — вспомнила девушка. По народному календарю этот день в конце августа всегда ветреный, холодный. Ирэна остановилась и застегнула на все пуговицы вязаную кофту. Ещё месяц назад она и представить себе не смогла бы, что наденет простую кофту грубой домашней вязки. Но сейчас даже не обратила на это внимания. Кофта, связанная мамиными заботливыми руками, хорошо грела. А что ещё нужно в этот холодный августовский вечер? Этого более, чем достаточно. Под кофтой пестрело лёгкое платье из ситца, тоже мамино, любимое. Настя отдала его дочке, потому что оно удобное и не маркое. Не сравнить с вещами Ирэны — ужасно дорогими по деревенским меркам, и по тем же меркам абсолютно непрактичные. Платья в пол из дорогого итальянского шёлка, предназначенные для светских приёмов и тусовок, вызывали лишь недоумение. Ну куда в таких пойдёшь?

И так как гардероб Ирэны оказался полностью непригодным к жизни в деревне, девушке пришлось пользоваться вещами своей матери. И теперь Ирэна шла и смотрела на потемневший вдали горизонт, предвещавший на завтра ненастную погоду, и размышляла, что же ей делать со своими вещами. Выкидывать жалко, да деревенский житель никогда ничего не выкидывает, с детства приученный к бережливости. Вот и Ирэна решает завтра же достать убранные в сарай тяжёлые и объёмные сумки и посмотреть, что можно перешить да переделать так, чтобы можно было носить ежедневно. В ближайшее время нужно будет купить одежду попроще, а пока придётся обходиться маминой, хорошо, что размер у них один.

Девушка шла, погружённая в свои хлопотливые хозяйственные думы, и ни разу не обратила внимания на то, как встречные мужчины бросают на неё восхищённые долгие взгляды. Даже без косметики и в скромной одежде она привлекала внимание. Даже стараясь быть незаметной, оставалась яркой, манкой, заметной. Медно-рыжие кудри прибраны и заколоты шпильками, но непослушный огненный локон выбился из плена шпилек и упал на висок, красиво обрамляя бледное тонкое лицо с глазами редкого тёмно-изумрудного цвета и чувственными капризно-пухлыми губами, две родинки на щеке делали это лицо незабываемым, манили остановить на них посторонний взгляд. И если это был взгляд мужской, он загорался восхищением, а если женский — то завистью.

Но сейчас девушка была слишком занята предстоящими хлопотами и когда, приоткрыв тяжёлую дверь магазина, вошла внутрь, то не сразу заметила свою когда-то лучшую подругу Катю Вольскую. А когда увидела, то почувствовала, как щёки предательски вспыхнули, и в груди обожгло словно кипятком.

Катя стояла напротив прилавка и выбирала, какой из сортов сыра взять.

— Вот этот наисвежайший! — с улыбкой говорила продавщица Клавдия Петровна, позвякивая дешёвыми цыганскими серьгами в ушах, — Утром только привезли. Бери, Катюша, не пожалеешь.

Катя обернулась на звук открывшейся двери, увидела Ирэну, мгновенно подобралась, бросила на бывшую подругу быстрый равнодушный взгляд и снова отвернулась. И больше не поворачивалась. А Ирэна с сильно бьющимся сердцем и горящим лицом смотрела на бывшую подругу не отрываясь. Встав в очередь, Ирэна спряталась за спину мужчины, от которого резко и неприятно пахло дешёвым табаком и алкоголем, и смотрела, смотрела... ощущая боль и досаду...

— Да, вот этот возьму, — сделала выбор Катя, — И ещё пакет манки, молоко и йогурт.

— Правильно, сварить кашку для Сонечки. Маленьким деткам молочко очень нужно, — одобрительно улыбнулась Клавдия Петровна, открыла дверцу холодильника-витрины и достала из него пакет с молоком и йогурт.

Ирэна вдруг смутилась. Она пришла сюда за хлебом, не собиралась ничего больше брать. «А любит ли мой сын манную кашу? — задумалась она и ощутила неловкость, — Я ведь ничего, вообще ничего не знаю о своём сыне!» Эта мысль молнией прожгла сознание, и отголоски этой мысли-молнии снова обожгли грудь, заставляя молодую женщину чувствовать боль почти физическую.

Катя, оплатив покупку, подхватила пакет с продуктами и вышла из магазина, так ни разу больше и не оглянувшись в сторону Ирэны. А когда до Ирэны дошла очередь, она решительно произнесла:

— Тётя Клава, и мне тоже дайте пакет манки, молока и йогурт. Вон тот, с персиковым вкусом. А ещё такой же сыр и две булки хлеба.

Клавдия Петровна одобрительно кивнула:

— Правильно, девки, кормите деток молочкой. Молочку свежую утром с комбината привезли. Ещё и сутки не простояла.

Но когда Клавдия Петровна подсчитала стоимость покупки, Ирэна растерялась. В её кошельке не хватало триста рублей, чтобы оплатить. Молодой парень, стоящий рядом, быстро среагировал:

— Я заплачу, красавица, не переживай. Делов-то!

— Нет, нет, — всё так же растерянно произнесла Ирэна и, почувствовав нестерпимый стыд, произнесла, — Тётя Клава, запишите в долг. Я завтра же отдам!

— Да, конечно, — кивнула Клавдия Петровна, — Ты только не забудь, Иришка, а то мне потом из своего кошелька придётся платить.

— Нет, нет! Я не забуду, — поспешила Ирэна уверить продавщицу, быстро сложила покупки в сумку и выбежала из магазина.

— Ну куда ты, красивая? Погоди, сумку тебе помогу донести! — услышала она вослед навязчивый голос парня и поспешила ещё быстрее, стараясь скрыться за ближайшим забором.

Как только Ирэна пришла домой, принялась варить кашу на молоке. Молодая женщина стояла у плиты и тщательно помешивала венчиком закипающее молоко, сосредоточенно следя за тем, чтобы оно не убежало. Подлое оно, молоко это. Смотришь — смотришь за ним, глаз не спускаешь, оно и не шевелится, но стоит только на секунду зазеваться, и — нате вам, пожалуйста! — оно уже проворно выбегает из кастрюльки и радостно шипит на плите, распространяя предательски-горелый запах, сообщающий всем о том, какая нерасторопная хозяйка на кухне.

В этот раз молоко из кастрюли не убежало. Ирэна была так ответственно-сосредоточена на этом действии кулинарном, что не дала ни малейшего шанса молоку проявить свою подлую привычку.

Она наполнила тарелку кашей и дала ей чуть остыть, робко заглянула в комнату и позвала мальчика, тихо собираю-

щего на ковре лего-конструктор.

— Илюша... пойдём ужинать, — встала несмело в дверях, прислонилась плечом к стене и встретила такой же несмелый робкий взгляд ребёнка. И вдруг разозлилась на саму себя. Чего это вдруг она робеет? Это же её сын! Её родной сын! Резко отстранилась от стены и весело, нарочно бойко, произнесла, — Идём быстрее, сыночек! В кладовке я две банки варенья нашла. Ты какое любишь — брусничное или голубичное?

Мальчик пожал худыми плечами.

— А я вот в детстве любила и то, и другое. Если в манную кашу добавить брусничное, каша станет розовой, а если голубичное — то синей, как чернила. Пойдём, пойдём, — поторопила Ирэна ребёнка, — Манная каша с вареньем — это такая вкуснятина!

И действительно, есть разноцветную кашу оказалось очень увлекательным занятием. Так и не сумев сделать выбор, Илья положил на одну сторону тарелки брусничное варенье, а на другую — голубичное. Наблюдая, как её сын аппетитно ест сваренную ею кашу, Ирэна и сама не удержалась, съела бруснично-голубичную кашу за компанию с сыном, а после они сидели на полу друг напротив друга и собирали конструктор. Илья, соединяя мелкие детали друг с другом, объяснял Ирэне:

— В моём домике будет жить зайчик, а в твоём придёт жить лисичка, ей нужно домик побольше сделать, — гово-

рит мальчик и кладёт в ладонь молодой женщины маленькую пластмассовую фигурку рыжей лисы. Ирэна невольно вздрагивает, зажимая в кулачок игрушечную фигурку. «Лисичка... Лисичка! — отчаянно произносит она в своих мыслях, — Так Денис меня называл». Это было её прозвище, которое ей ужасно нравилось — ласковое и милое. Так только он один её называл, никто больше. А в последнюю их встречу в коридоре больницы она, желая причинить ему больше боли, требует, чтобы он так её больше не называл. Грусть, горечь и тоска накрывают сердце Ирэны, и она безвольно разжимает пальцы, фигурка лисички выпадает из её рук. Молодая женщина не сразу замечает, что Илья смотрит на неё обеспокоенно. И он спрашивает:

— Не нравится лисичка? Мы можем поменяться. Возьми моего зайчика, мама.

Ирэна снова вздрагивает и снова от неожиданности. В эту минуту, именно сейчас, в этот момент он назвал её мамой! Впервые назвал после того, как она приехала. Ирэна улыбается, едва сдерживая слёзы и дрожащим, надрывным голосом произносит:

— Ну что ты, сынок, как мне может не нравиться эта чудесная лисичка? Это самая лучшая лисичка на свете.

— Правда? — с сомнением спрашивает ребёнок, — И ты будешь для неё строить дом?

— Обязательно буду. У лисички должна начаться новая жизнь, лучше и счастливее прежней, — отвечает Ирэна и тя-

нется за мелкими разноцветными деталями кубиков, чтобы построить лисичкин дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.